

Доклад на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения нем. гос. деятель Л. Эрхарда, СПб, май 1997 // Посев. – 1997 - №4. – с. 26-28.

Он шел против течения

Подробное и серьезное обсуждение опыта послевоенных реформ в Германии очень важно для понимания многих проблем в России. Разумеется, не для того, чтобы слепо копировать опыт, это невозможно, а для того, чтобы четко представлять себе сходство и различие факторов, которые влияли на траектории движения наших экономик.

Книга Людвиг Эрхарда "Благосостояние для всех" была издана в Советском Союзе в благоприятный момент. Это был 90-й год, время, когда сходство ситуации в СССР и Германии в 47-48 гг. бросалось в глаза, когда хороших книг о рыночных реформах на русском языке еще почти не было. Книгу прочитала почти вся политическая элита, во многом она послужила базой последующих дискуссий по вопросам экономической политики в России. Каждый вычитывал в ней свое. Я помню, мне пришлось раз семь выслушивать от депутатов-коммунистов одну и ту же цитату из книги Эрхарда, которая на самом деле была цитатой из статьи французских журналистов, которые в 53-м году писали о том, как в Германии все по мановению волшебной палочки изменилось. Должен обратить внимание на то, что, когда журналисты пишут через 7 лет, им нередко кажется, что все произошло по мановению волшебной палочки, в этом смысле Германия не уникальна. Тяжелый путь, который нужно было пройти Л. Эрхарду для того, чтобы экономическое чудо состоялось, не был виден поверхностному наблюдателю.

При всех огромных различиях сегодняшней ситуации в России и положения в Германии в конце 40-х годов в них есть и общие элементы. Именно поэтому интересно сравнивать тот путь экономического развития, которая прошла Германия между 44-50-ми годами и Советский Союз-Россия между 88-м и 97-м годом. Я заранее вывожу за скобки очевидные вещи, связанные с различием культуры, масштабов экономики, уровней деформации рыночных механизмов в Германии и Советском Союзе. Но, тем не менее, нельзя не отметить, что по ряду параметров советская экономика и экономика Германии 44-го года были довольно близки.

Первое – это близость валового внутреннего продукта на душу населения. ВВП на душу населения периода советского максимума довольно близок к уровню ВВП, достигнутому в Германии в 44 году. В Германии он был 6,250\$ в ценах 90-го года, для

СССР чуть больше. Второе – это сходство доли военных расходов в валовом внутреннем продукте. Разумеется, в Германии 44-го года текущие военные расходы были несколько выше, чем в Советском Союзе 88-го года, но уровень долгосрочной структурной милитаризации экономики в Советском Союзе был выше, чем в Германии. В Германии милитаризация экономики, начатая после 1933 года, была все же краткосрочной кампанией мобилизации ресурсов на военные нужды. В Советском Союзе за сложившейся экономической структурой стояла многолетняя традиция формирования индустриальной базы в первую очередь для нужд обороны. Третье – это сходство доли государственных расходов ВВП (и там, и там – несколько выше 50 %). И, наконец, это была ситуация подавленной инфляции и механизмов управления ею: цены были фиксированы, материальные потоки рacionировались, сбережения были вынужденными, за счет вынужденных сбережений увеличивалась доля денежной массы в валовом внутреннем продукте, а эмиссионные доходы шли на финансирование военных нужд.

И в Германии, и в Советском Союзе максимум объема производства был достигнут при использовании ресурсов, которые являются внутренне неустойчивыми. Для Германии этот ресурсный поток с оккупированных территорий, для СССР конца 80-х годов это нефтяные доходы и распродажа валютных резервов и золотого запаса, а также массивные внешние заимствования. В Германии военное поражение и прекращение ресурсного потока с оккупированных территорий, вынужденная демилитаризация проложили дорогу резкому падению производства. Причем самым резким оно было не в 45-м году, когда на немецкой территории шла война, а в 46-47 гг. В это время германская экономика выходит на минимум, который соответствует интервалу примерно между 30-40% ВВП периода максимума. Германия была оккупирована, и, соответственно, оккупационный режим имел возможность сохранить инструменты управления подавленной инфляцией в условиях резкого падения производства, т.е. промышленное производство резко падало, а вот система карточного снабжения, рacionирования продуктов сохранялась и сохраняла свою относительную работоспособность. В этой связи основная масса падения производства, которое составило, разумеется, гораздо большую в процентном отношении величину, чем падение производства в России, приходится в Германии на период подавленной инфляции.

В Советском Союзе падение производства начинается в 89-90 гг., тоже еще при более или менее работающей системе рacionированного снабжения, ускоряется в 91-м году. Но это падение производства дальше идет на фоне политической дестабилизации режима, способного обеспечить эффективное функционирование системы распределения. Между тем, система рacionирования предполагает эффективную политическую власть,

работающую систему принуждения. В Советском Союзе эта власть базировалась на господстве КПСС и страхе перед КГБ. Как только рушится КПСС и исчезает страх перед КГБ, что происходит постоянно в 90-91гг. с кульминацией 21 августа 1991 г., тут же выясняется, что советская система управления в принципе не может функционировать.

Германская экономика могла и дальше довольно долго существовать в условиях подавленной инфляции, дефицита, административного регулирования. Система не разваливалась. Другое дело, что результатом была бы долгая стагнация. Для Л. Эрхарда существовала возможность выбора. В России 1991 выбора не существовало. Когда развалилась система административного снабжения, нет другого выхода, кроме как немедленно либерализовать цены и включить рыночные механизмы, иначе результатом будет массовый голод.

Поэтому, если сравнивать ситуацию, в которой оказались Л. Эрхард в 1948 году и российское руководство в конце 1991, можно сделать вывод: Эрхарду было гораздо труднее принять решение о начале и стратегии реформ, но гораздо легче, приняв это решение, реализовывать его. Нам гораздо легче было принять решение о начале реформ, либерализации цен, но неизмеримо труднее его реализовать.

Величайшая заслуга Эрхарда в том, что он шел против течения. Вся интеллектуальная атмосфера послевоенной Европы категорически не предполагала и не требовала радикальных либерализационных мероприятий. Привычка жить в условиях подавленной инфляции стала элементом политической и экономической культуры многих держав-победительниц. По крайней мере, Англии, с ее лейбористским правительством и активным использованием рациирования, Франции, да и в целом послевоенной Европы. Интеллектуальная атмосфера преклонения перед социализмом, социалистическим экспериментом, увлечение государственным регулированием – все это в полной мере располагало к тому, чтобы и дальше сохранять ту систему управления подавленной инфляцией, которая сложилась в годы войны. И здесь Эрхард проявил себя как человек, способный стратегически оценить ситуацию, в полной мере понять огромные, фундаментальные преимущества рыночных механизмов и, по существу, навязать обществу свои решения.

Вторая проблема, которая существовала в Германии и не существовала у нас и по которой Эрхард принял стратегически верное решение – это проблема денежной реформы. Вопрос, что делать с денежным навесом, накопившемся в условиях подавленной инфляции, – один из самых сложных при выработке либерализационных мероприятий. Можно либерализовать цены, не проводя денежную реформу. И тогда денежные накопления населения совершенно неизбежно будут автоматически сокращены

до уровня реального спроса на деньги. Или можно провести конфискационную реформу и не допустить скачка.

В России эта альтернатива, как серьезная, не существовала. Дело в том, что денежная реформа предполагает значительную подготовку, ее надо готовить технически, по меньшей мере, 9 месяцев. И нужен эффективно работающий административный аппарат. В СССР 91-го года, где произошел крах системы административного регулирования, структуры, способной осуществить денежную реформу, просто не существовало, этот вопрос выходил за пределы обсуждения. Для Германии это был предмет выбора. Основные аргументы за и против денежной реформы достаточно очевидны. В Германии их укрепляла память о страшной гиперинфляции после первой мировой войны. При либерализации цен и огромном денежном потоке естественны скачок цен, падение спроса на деньги, возможность начала массового бегства от денег и выхода в гиперинфляционную спираль, которую очень трудно остановить.

При проведении денежной реформы главная проблема состоит в том, что правительство вынуждено принимать сложнейшие и обязывающие решения в условиях неопределенности. Оно должно ответить на фундаментальный вопрос, какой видится нормальная, не раздутая денежная масса и как оценить спрос на деньги после проведения денежной реформы. Причем на этот вопрос никакого теоретически выверенного ответа в той ситуации, в которой была Германия в 48-м году, не существует. Мы в конце 91-го года должны были примерно из тех же соображений оценить прогнозные масштабы первоначального январского скачка цен в условиях, когда корректно это невозможно сделать. Для Л. Эрхарда вторая половина 48-го года была самым тяжелым временем в его жизни. Формула, которую он предложил для проведения денежной реформы, неизбежно была догадкой. Успех реформы зависел от того, в какой степени эта догадка оправдается. А это, в свою очередь, зависело от возможности и способности убедить общество в том, что формула выбрана правильная. Но сам Эрхард не мог не понимать, что речь идет всего лишь о предположении, и по его работам это хорошо видно.

Когда во второй половине 48-го года начался быстрый рост цен и сбережения в новых марках выплеснулись на рынок, возникла угроза укоренения высокой инфляции, пошли разговоры о провале политики Эрхарда, о преступных ошибках, о том, что надо как можно скорее снова замораживать цены, усиливать государственное регулирование. В этих условиях удержаться на избранном курсе, доказать, что раньше или позже все равно цены упрутся в границу спроса, что за быстрым ростом цен последуют либо их стабилизация, либо дефляционная корректировка, было крайне тяжелой, мужественной позицией, которую Эрхард отстаивал блестяще. В России в 91-м году выбора проводить или

не проводить денежную реформу не было. Наиболее серьезные проблемы у нас возникли не до либерализации, а после принятия решения о ее начале. Здесь как раз выявились наши фундаментальные отличия от Германии в конце 48-го года. Первое из них: Германия имела возможность элементарно решить проблему диспропорции денежных потоков. Не печатай ничем не обеспеченных денег, не кредитуй дефицит бюджета – вот и вся мудрость. Советский Союз – Россия сразу после либерализации цен оказалась в ситуации, когда 15 соревнующихся друг с другом республиканских банков печатают общую валюту и нужно, по меньшей мере, полгода, чтобы обеспечить контроль за денежным обращением на территории России. Уже одного этого достаточно, чтобы ввести экономику в режим хронически высокой и ускоряющейся инфляции. Второе. В России либерализация цен и крах старой системы управления совпали не с низшей точкой в динамике объема производства, обусловленной демилитаризацией, а с началом вынужденных структурных изменений. Банкротство Союза и Внешэкономбанка ограничили возможность продолжения крупномасштабных заимствований, валютные резервы и золотой запас были разбазарены. Добыча нефти резко падала. Начинается вынужденно резкий процесс демилитаризации, который дает толчок индустриальному кризису. В результате падение объема производства в России хотя и не составляет той же величины, как в Германии между 44-47 гг. (оно меньше), но растягивается на более длительный период. То есть, после либерализации цен мы получаем сочетание высокой инфляции и падающее производство. На этом фоне совершенно неизбежен резкий рост социального неравенства. Тесная корреляция доли бедных с уровнем инфляции – это статистически доказанный факт.

В конце концов, мы проходим собственный путь, включающий период высокой инфляции, ряд серьезнейших структурных изменений. Пройдя две очень разных траектории, Германия в 49 году и Россия в 97 вновь оказываются в схожей ситуации. В чем это сходство? ВВП на душу населения в 49 году в Германии по покупательной способности примерно равен прогнозируемому ВВП на душу населения в России в 97 году. Доля государственных расходов в экономике Германии в этот период примерно равна доле государственных расходов России 1997 года, диспропорции финансовых запасов устранены, подавленной инфляции нет, механизм управления подавленной инфляцией демонтирован, экономика либерализована, обеспечена относительная стабильность национальной валюты.

Конечно, успеху политики Эрхарда во многом способствовала сильная и разумная политика ведущих западных держав. На кризис после первой мировой войны державы-победительницы ответили репарациями, на кризис после второй мировой – планом

Маршалла. План Маршалла одновременно с поворотом от протекционизма к свободе торговли создал очень благоприятный фон для того экономического чуда, которое началось в Германии с 1949.

Применительно к российским реформам говорить о столь же скоординированной и эффективной помощи Запада, разумеется, нельзя. Это, безусловно, осложняло проведение реформы в России.

Теперь, когда наиболее срочные и сложные задачи денежной стабилизации и либерализации экономики решены при сохранении многих других проблем, есть смысл поговорить о дальнейших стратегических направлениях развития и снова попытаться сопоставить тот путь, который предстоит России, с путем Германии под руководством Л. Эрхарда.

У нас слова "социальная рыночная экономика" используются очень своеобразно. Как неотъемлемый атрибут социальной рыночной экономики, у нас рассматривается идея форсированной экспансии государственных обязательств. На самом же деле (наши немецкие друзья прекрасно знают и помнят, у нас это знают и помнят, к сожалению, не все) в 50-е годы уже на фоне очень высоких темпов экономического роста Л. Эрхард поддерживал долю государственных расходов в ВВП практически на том же уровне, что и в 1930 году. То есть для него ограничение, а то и снижение налогового бремени, было важнейшей задачей, по крайней мере на этапе старта экономического роста. Он прекрасно понимал, что сначала курица должна снести яйца, а уже потом можно обсуждать, что с ними делать. Для того чтобы доля государственных расходов в ВВП могла достичь приблизительно 50%, германская экономика должна была выйти на уровень, по крайней мере, в два с половиной раза более высокий, чем сегодня в России. Для этого германское экономическое чудо должно было состояться.

Конечно, попытки копировать чей бы то ни было опыт, особенно опыт страны с совсем другой историей, которая не пережила 75 лет социалистической экономики, в которой в течение столетия существовала развитая частноправовая традиция, копировать в России, с ее дурной правовой традицией и необходимостью создания рыночного законодательства, было бы поразительной нелепостью. Но если мы понимаем различия, понимаем их масштабы, то сравнение опыта стран, сталкивающихся со сходными проблемами, – это важнейшая предпосылка для того, чтобы иметь возможность вырабатывать собственные обоснованные решения.